

Воскресный базар в селе К. всегда был местом шумным, многолюдным и порой весьма опасным.

В бесконечном потоке людей шныряли карманники. Продавцы втяхивали некачественный товар, а доверху нагруженные машины тихо крались в толпе и легко могли отдавить ногу.

Это выглядело вполне нормально: если в толпе один шел, неся в мешке визжащего поросенка, а другой, совсем бледный человек, присел на землю, потому что лишился кошелька, — тоже вполне нормально. И кричащий покупатель, обманутый недобросовестным продавцом — тоже нормально. И торгующиеся на повышенных тонах женщины — привычное дело для этого места.

А среди шумной реки людей ловко маневрировали продавцы с доверху набитыми тележками, предлагая чай, кофе, выпечку и шоколадки. В этой же мешанине бежали и пытались заработать пацаны, которые с радостью и азартом перекрикивали друг друга:

— Кукурузка! Свежая кукурузка!

— Колбаса! Кто забыл купить колбасу?

— Свежая рыба: лещ, карась, окунь, толстолоб.

— Квас, чай, кофе, холодный лимонад!

— Пиво. Водка на разлив! Закуска в подарок.

Среди всего этого шума, писка поросят, кудахтанья куриц и криков покупателей, среди отчаянных возгласов детей — всегда, каждое воскресенье, звучал один и тот же мужской крик.

— Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки, воронки и сетки! Поилки для цыплят! Сверла, отвертки, шило и мыло! Нитки, иголки, крючки да леска! Марли, держалки, вешалки... — казалось, что крик этот будет длиться вечно.

А кричал дядя Саша, всегда громко и монотонно, словно огромный орган, у которого заклинило одну из басовых клавиш. Набирал в легкие воздух и во все горло повторял заученную как мантру фразу: — Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки... — и так далее.

Замолкал он только в те моменты, когда к нему обращались покупатели. Только тогда над базаром повисала относительная тишина. Но как только он заканчивал общаться с покупателем, то тут же втягивал воздух и... — ну, вы знаете, что происходило дальше.

Люди, услышав громогласного продавца, расступались в стороны, давая пройти ему и его большой четырехколесной тачке, которую он катил за собой. В ней же он и хранил поилки, поливалки, выбивалки и прочий товар.

Короче, это было похоже на передвижной магазин «Тысяча мелочей».

Дядя Саша, который каждое воскресенье кричал громче всех, был мужчиной довольно крупным. Это и неудивительно, если учесть, что он, как гужевая лошадь, тащил за собой товар, домашнее хозяйство, девятерых детей, жену и отца старика.

В суровые морозные дни он обычно кутался в пальто и надевал валенки. А в знойные и жаркие времена снимал футболку и на голову, аккуратным квадратиком, повязывал носовой платок с узелками по углам.

Все, кто приходил на базар, знали, что обязательно услышат этого продавца-крикуна. Он давно стал таким же нормальным и привычным атрибутом, как, в общем-то, и сам базар. Кажется, он был тут с самого его начала и будет с ним до конца.

Были и те, кому не нравилось, что над ухом орет здоровенный мужик. Но не у всех хватало смелости сказать грубое словцо.

Однако находились и те, кто говорил:

— ...поливалки, выбивалки...

— Хватит орать, мужик, — скажет какой-то смельчак. — И так голова после вчерашнего раскалывается.

— ...было бы у тебя девять детей, ты бы не так орал, — замечал дядя Саша. И, как ни в чем не бывало, продолжал: — Мухоловки, мухобойки. Горшки да лейки, воронки и сетки...

Кто-то этого не заметил.

Кто-то с облегчением выдохнул.

А кто-то с жалостью и интересом спросил у прохожего:

— Куда подевался этот... «поливалки, выбивалки»?..

— Не знаю, — ответил прохожий и пожал плечами.

А с дядей Сашей беда приключилась.

Купил он по дешевке скакунов да запряг их в подводу. Не привыкли кони к такой езде. Им бы седло на спину и в поле.

Накрыло его подводой в ближайшем кювете и надломило позвоночник.

Оказался дядя Саша в больнице, где доктора лишь разводили руками и говорили:

— Вы спрашиваете у нас, будете ли ходить? Мы пока что не знаем, будете ли вы чувствовать ноги. Рентген покажет, а пока что лежите и не двигайтесь.

Рентген показал обширную трещину на позвоночнике в районе поясницы.

— Ходить вы не будете, — сказал доктор после осмотра снимка, — возможно, будете чувствовать ноги и с протезами кое-как сможете передвигаться по дому. На большее не рассчитывайте.

— Но у меня дети, — взмолился дядя Саша, будто это может помочь.

— Мы в этой ситуации бессильны, — с холодком заметил врач.

— Но... но... — сказал он и, замолчав, откинулся на подушку, устремив пустой взгляд в потолок.

Доктор еще что-то говорил, но дядя Саша не слушал. Ему хватило и того, что сказано. Хватило, потому что самое ценное и самое тяжелое он уже услышал.

В районной больнице все едва движимые и совсем неподвижные пациенты лежали на втором этаже, в дальнем крыле. Просторная палата стала тесной, после того как там установили шесть коек с лежачими больными.

Кто-то мог ходить с костылями, кто-то, как дядя Саша, не ходил вовсе.

Он как-то пробовал приподняться на локти, но в спине тут же стрельнуло болью, и он, скривив лицо, лег обратно, чувствуя, как дрожит тело.

Поначалу он даже встать намеревался. Но врачи и медсестры сказали, что это противопоказано, а после того как дядя Саша сам несколько раз попробовал, то понял, что даже если бы ему разрешили — встать он все равно не сможет. Обычные движения корпусом и те он делал через боль. Куда уж тут встать?!..

К нему приезжали жена и дети. Даже старенький отец умудрился выбраться из села и приехать к больному сыну.

— Болит? — с опаской спросил отец.

— Болит.

Сложно говорить в подобных ситуациях. Отец часто усаживался напротив сына, клал ладони на палку и упирался в них подбородком. Смотрел на сына и молчал. Да и дядя Саша не был таким разговорчивым и громким, как по утрам на базаре. Большую часть времени он лежал и смотрел в потолок.

Поначалу от деда и слова нельзя было добиться, но с каждым приездом он все больше и больше рассказывал о делах домашних. Как бы невзначай сядет рядом и говорит в полтона. Вроде бы сам себе напоминает и тихо так бормочет под нос. Но он чувствовал и видел, как замирает сын на койке. Даже глазами перестает вращаться. Замирает, вслушивается и ловит каждое слово. И в этот момент в пустом взгляде вновь загоралась искорка жизни.

Но как только дед заканчивал бубнить, дядя Саша вновь начинал водить пустым взглядом по сторонам — рассматривая потолок, облупившиеся стены и паутинку по углам.

— Младший, Алексей, вчера двойку принес, — говорил дед. — Слава четверку схватил по трудам. Максим тоже четверку по географии, Вадим двойку на тройку переправил и пытался доказать мне, что это учительница споткнулась, оттого и оценка кривая вышла. Люба, как всегда, молодец, ее пятерки я давно перестал считать. А остальные вроде бы без оценок.

— Спасибо, батя, — сказал дядя Саша, и слезы навернулись на глаза. Он всегда следил за учебной своих детей, и это, пожалуй, были самые важные новости из дома. — Только вот незачем мне это.

— Как так?

— А что я теперь с этим делать буду? — шепотом, но с явной и нескрываемой злостью сказал дядя Саша.

— Ты это брось! — стукнул дед палкой. — Не говори так.

— Говори, не говори, а встать я не могу. Только обузой буду.

Отец не ответил, но по глазам его было видно, что он согласен с сыном.

Мало-помалу батя стал чаще выбираться в больницу, раскачался и невольно поправил здоровье.

Недавно ему семьдесят шесть минуло, но выглядел он бодро. Сухие жилистые руки крепко сжимали коричневую палку. Тонкая льняная шляпа покрывала блестящую лысину с седыми волосами над ушами и на затылке.

За прошедшие годы дед сдал позиции и часто болел, но беда сына заставила его повременить с хандрой и пересмотреть взгляды на старость.

— Сегодня Митя пришел домой пьяный. Мать смотрит на него, а в глазах муть. Она кричит, а ему все равно. Здоровый лоб. Стоит и не шевелится. Она снова в крик, а он огрызаться с ней стал. Я не выдержал, тоже крикнул, так он как глянул на меня своим бешеным взглядом. Я думал, прям там и отхвачу оплеуху. Перед выездом проспался. Все хорошо стало. Стыдится в глаза смотреть и все ходит по дому, тыкается из стороны в сторону.

Макс и Славка двойкой притащили. Один — по математике, другой — по химии. Как обычно, виноваты учителя. Даже младший твой, Лешка, тройку умудрился принести по чтению. Я ему говорю, как так? А он только смотрит и глазами хлопает. А что я ему сделать могу? — с досадой говорил дед.

За прошедший месяц дед часто приезжал к сыну. Спрашивал о здоровье. Интересовался, нет ли улучшений. Но дядя Саша, с привычно повязанным платком на голове, пустым взглядом смотрел на отца и с болью разводил руками.

Врачи, как и обещали, ничего сделать не могли. Осталось надеяться лишь на чудо. Трещина в позвонке — это не шутки. Кололи уколы. Мазали кремами. Делали массаж и заставляли пить таблетки. А результата как не было, так и нет.

Положили в больницу — не мог на локти облокотиться и до сих пор не может. Ни тебе привстать, ни повернуться.

А отец все ездил в больницу и ездил. И каждый раз он, как противная жена, которая недовольна своей жизнью, начинал пилить сына.

— Куда мне, батя? — оправдывался дядя Саша. — Сколько лежу тут, сколько уже вытерпел и съел таблеток, а до сих пор под себя хожу. Да что там под себя. До сих пор сдвинуться не могу.

— А ты пробуй, — стоял на своем отец.

— Не могу. Болит все. Шевелиться больно, говорить больно, дышать и то больно...

— Я тебя не таким воспитывал.

— А каким бы ты ни воспитал, один черт — калека. Куда мне...

Отец пытался разжечь угасающий костер, но видел, что этим методом сыну не помочь.

Но, не в пример дяде Саше, батя его не сдавался и ездил почти каждый день. И с каждым его приездом вести из дома были все хуже и хуже.

— Разбаловались они, — говорил дед. — Все разбаловались! Чтоб покормить скотину, их надо палкой вот этой гнать, — он примерил в жилистой руке свою палку. — Так бы и лупанул одного да второго, чтоб за ум взялись.

— Лупи, — дал добро дядя Саша.

— Куда их бить-то?! Дерзят они мне. И мне, и матери. А мы что? Что мы можем сделать? — смотрел он на сына. — Я ему одно говорю, а он отвернулся и пошел гулять. И куда я за ним? А мать! Она уже осипла орать на этих олухов. Катятся. В пропасть катятся, — заключил дед.

Слушал дядя Саша и кипел. Аж краснел от злости. Всем сердцем понимал, что вся семья в пропасть валится, а помочь не мог.

— Старшие вчера набрались как свиньи, а как пришли, спать завалились. Пришлось мне идти кормить животных. Мать плачет. Пропадем мы без тебя. Пропадем. Скатимся. Далеко скатимся и не воротимся никогда. Не воротимся!

Дед закончил жаловаться, привстал со стула и, не говоря ни слова, вышел из палаты.

В этот вечер дядя Саша впервые за много дней попробовал встать.

Попробовал — стрельнуло в поясницу, он и повалился на кровать. Отдышался немного и опять попробовал. Снова будто кто-то спицей в спину тычет. Откинулся на подушку, вытер пот со лба и сдержал в себе стоны.

В эту ночь он впервые сделал себе массаж. Больно было, но он терпел. Вначале мyal шею, затем плечи и грудь, затем спускался к злополучной пояснице и через боль мyal бока. Спустя десять минут процедур постельное белье можно было отжимать.

После массажа дядя Саша становился красным и злым, зато спал хорошо.

Не прошло и недели, как начали получаться простые вещи, будь то на локти привставать или повернуться на бок. Правда, все его развороты сопровождались неимоверной болью, но кое-какой результат все-таки был.

Однажды отец опоздал на последний автобус и вернулся в больницу. Почти до ночи он промывал мозги сыну и с наслаждением смотрел, как тот кипит и бесится.

— Пытаюсь я, пытаюсь... — говорил дядя Саша, — да не выходит ничего.

— Ладно, не хочешь, не надо, — съязвил напоследок дед, — пойду я покемарю. Спокойной ночи, мужики, — обратился он ко всем.

— Давай, дед, — хором ответили больные, которые с нескрываемым интересом наблюдали за отношениями отца и сына.

Свободных коек не оказалось, поэтому деду поставили рядом с палатой четыре стула. Как-нибудь да перекантуешься.

— И не так приходилось ночевать, — ответил дед, размещаясь на стульях.

Ближе к полуночи из палаты начал доноситься отборный храп шести взрослых мужиков. Дед и сам уже похрапывал, когда услышал скрип койки. И ладно если бы просто скрипела, но ведь нет. Скрип доносился равномерно и ритмично.

Так человек во сне не ворочается! Да и кому там ворочаться? — подумал дед.

Схватил он палку, открыл дверь и увидел, как его сын раскачивается на кровати. Грузное и непослушное тело переваливалось с одного бока на другой, пока не остановилось на самом краю, замерев над пропастью.

Отец было кинулся помочь:

— Не тронь, — остановил его сын. — Я сам, батя, сам.

Одеревенелые ноги впервые за долгое время прикоснулись к холодному линолеуму.

Раскрасневшийся и потный дядя Саша до белых костяшек схватился за дуги кровати, удерживая вес на руках.

— Ты что творишь? — проснулся один из соседей. — Нельзя же...

— Мне ходить надо, — едва сказал дядя Саша и вновь сжал челюсть.

Дед стоял в дверном проеме, готовый в любой момент кинуться на помощь сыну. Но в эту ночь помощь не понадобилась. Эта ночь ограничилась только тем, чтобы прикоснуться ступнями к полу. Почувствовать холодный линолеум и поверить в свои силы. Убедиться, что есть еще шанс. Что все люди ошибаются и, возможно, доктора ошиблись, сказав, что нет никаких шансов. Ведь бывает чудо. Бывает!

С тех пор каждую ночь дядя Саша с раскачки переваливался на бок, хватался за скрипучую спинку кровати и спускал ноги на пол. Пытался подняться, но боль мгновенно опрокидывала обратно. Хотелось закричать, но вместо этого он сжимал челюсть и молчал, потому как соседи спали, пока рядом совершались подвиги.

Дед вновь приехал с неутешительными вестями про расхлябанность и наглость детей. Он специально остался до ночи.

Дядя Саша молча выслушал отца и с новой порцией злости прикоснулся ступнями к холодному полу.

— Пора, — сказал дед и поставил перед сыном табурет.

— Ты чего? — испугался дядя Саша, когда отец отложил палку в сторону и сел рядом. — Ты чего, батя?

— Хватайся, — сказал дед и подставил плечи.

— Ты в своем...

— Хватайся, кому говорят.

Сын послушно, но с опаской положил ладони на отцовские плечи.

— Крепче держись. Повисни. Всем телом висни.

— Я не могу, батя.

— Можешь.

— Мне тебя жалко.

— Висни, сказал, иначе скатимся в яму! — недовольно пробурчал отец, и храп в палате оборвался.

Теперь уже пять пар глаз наблюдали за тем, как отец сидит перед сыном на стуле и ждет, пока тот вцепится как клещ в его жилистые плечи.

— Ну?! — не выдержал старик.

Дядя Саша выдохнул и обнял отца за шею, перевалив вес тела на спину бати.

— Держись, — натужно выдавил дед и напрягся.

Ноги его дрожали, и дрожь эта передалась всему телу. Он кряхтел и до крови закусил нижнюю губу. Из ноздрей его, как у разъяренного быка, вырывался воздух.

— Давай... — сам себе сказал дед и медленно оторвался от стула. — Давай...

Казалось, он сейчас надломится. Не выдержит нагрузки, и в палате окажется на одного пациента больше.

Дядя Саша чувствовал сквозь одежду и дряблую кожу старика, и высохшие, но по-прежнему упругие мышцы.

Сквозь сжатые губы деда вырвался последний воздух, находившийся в легких. Отец с сыном встали!

Красные от напряжения глаза светились счастьем.

— Пошли, — не останавливаясь и не делая передышки, сказал отец.

Он ногой откинул табурет и сделал маленький шаг.

— Батя, не надо, — скулил на спине сын.

— Иди, кому говорят. Иди.

Сын постарался передвинуть ноги, но боль пронзила поясницу, и он едва удержался, чтобы не расцепить руки.

Дядя Саша чувствовал, как всем своим весом давит на сухое тело отца. Огнем жгло поясницу. Чтобы хоть как-то помочь отцу, он постарался выпрямить ноги. Забрать вес собственного тела с плеч отца.

Совесть мучила намного сильнее, чем поясница. Дядя Саша почувствовал, как стал точечку выше. Совсем чуть-чуть. На какой-то миллиметр или, может, меньше — но выше. И тут же услышал, как батя с облегчением выдохнул.

— Давай, — сказал отец, держа руки сына на плечах. — Шагай.

И сам передвинул ноги.

Сын последовал за ним. Он перетащил безжизненные ноги и вновь перенес часть веса с отцовской спины.

— Еще, — натужно говорил старик и делал шаг.

Вся палата с замиранием сердца наблюдала, как огромный мужик висит на плечах у старика. При каждом шаге дыхание в палате прекращалось. И лишь когда эти двое преодолевали жалкие пять-десять сантиметров, больные облегченно выдыхали.

В первую ночь, когда дядя Саша встал на ноги, они сделали всего четыре шага. По расстоянию это один шаг здорового человека.

После процедур дед аккуратно опустил сына на кровать, взял палку в правую руку, а левой схватился за поясницу:

— На сегодня хватит. Пожалуй, я пойду, прилягу.

Согнувшись, он покинул палату.

В эту ночь тишина стояла дольше обычного. И когда спустя час все вновь погрузились в сон, из палаты начал доноситься отборный храп пяти человек и одно тихое, приглушенное всхлипывание.

На следующую ночь дед вновь, как часовой, оказался возле кровати сына.

— Пора, — сказал он одно слово.

И снова присел на табурет перед койкой.

Вновь палата замерла в томительном и сочувственном ожидании.

— Батя, не надо, — отнекивался сын, но послушно хватал отца за плечи.

— Не первый раз тебя ходить учу, — отмахнулся дед. — Малым научил и сейчас выучу.

На все уговоры сына отец не обращал внимания — был неприступен как стена. Он просто брал и тащил за собой обмякшее тело.

— Ставь... не спеши... обопрись.

Батя говорил короткими фразами, чаще всего лишь одним словом. Он выкрикивал его и тут же плотно сжимал губы, краснея от напряжения.

Спустя неделю совместных усилий сын стал увереннее, а отец посерел и согнулся.

Спустя еще неделю дядя Саша мог сам вставать с кровати и карабкаться по стеночке, как альпинист над пропастью. Такими темпами он уже сам ходил в туалет.

Батя, увидев, что больше нет нужды в его помощи, уехал из больницы.

А спустя два месяца его не стало.

— Научил-таки второй раз ходить, — улыбался дед. Это были его последние слова.

И даже сегодня, в воскресное утро, когда солнце как бельмо висит над горизонтом, в гуще людей, среди криков продавцов и животных, скрипа бедных велосипедов и несмазанных тачанок, воплей маленьких торгашей и ругани противных теток, на весь базар разносится громкий мужской голос:

— Поливалки, выбивалки, мухоловки, мухобойки! Горшки да лейки, воронки и сетки! Поилки для цыплят! Сверла, отвертки, шило и мыло! Нитки, иголки, крючки да леска! Марли, держалки, вешалки...

